

НА ГРАНИ БЕЗДНЫ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО БУЛГАКОВА

Кеулимжаева Куралай Гафуровна

kuralaikg17@gmail.com

студентка 4-го курса

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха,
Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан

Исмаилова Хурлиман Нажматдиновна

Научный руководитель - PhD,

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19449216>

ARTICLE INFO

Received: 02nd April 2026

Accepted: 05th April 2026

Online: 07th April 2026

KEYWORDS

экзистенциальный кризис,
личность, русская
литература, внутренний
конфликт, отчуждение, смысл
жизни, свобода, Достоевский,
Толстой, Чехов, Булгаков

ABSTRACT

В статье рассматривается проблема экзистенциального кризиса личности в русской литературе XIX–XX веков. В центре внимания находятся произведения Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и М. А. Булгакова, в которых внутренний разлад человека раскрывается как философская, нравственная и художественная проблема. Показано, что русская литература изображает кризис личности не только как состояние отчуждения и утраты жизненных ориентиров, но и как момент острого самопознания, когда человек оказывается лицом к лицу со свободой, совестью, страхом и смертью.

Введение

Русская литература XIX–XX веков отличается особой глубиной психологического и нравственно-философского анализа. Она не ограничивается изображением внешних событий, а стремится проникнуть в скрытые механизмы человеческого сознания, в те внутренние процессы, которые определяют поведение личности, её духовный выбор и отношение к миру.

Одной из наиболее напряжённых и значительных тем русской словесности становится экзистенциальный кризис личности. Речь идёт о состоянии внутреннего разлада, возникающего в тот момент, когда человек теряет устойчивые жизненные ориентиры, ощущает одиночество, бессмысленность привычного существования, страх перед свободой, смертью и собственной ответственностью. Такой кризис проявляется не только в трагических поступках или открытых конфликтах, но и в тихой душевной усталости, в ощущении несостоявшейся жизни, в невозможности обрести внутреннюю цельность.

Интерес к этой проблеме делает русскую литературу особенно современной. Герои Достоевского, Толстого, Чехова и Булгакова переживают не только личные драмы, но и фундаментальные вопросы человеческого бытия: зачем жить, в чём состоит свобода, возможно ли нравственное оправдание человека, где проходит граница между внутренней правдой и самообманом. Именно поэтому тема

экзистенциального кризиса остаётся одной из самых притягательных и значимых в литературоведческом анализе.

Цель данной статьи — показать, каким образом русская литература XIX–XX веков раскрывает экзистенциальный кризис личности и почему это художественное осмысление до сих пор сохраняет интеллектуальную и нравственную актуальность.

Экзистенциальный кризис как форма духовного разлада

Экзистенциальный кризис в художественном тексте связан с моментом, когда привычная система ценностей перестаёт быть опорой, а человек начинает воспринимать собственную жизнь как внутренне неустойчивую, противоречивую и лишённую прежней очевидности. В русской литературной традиции такой кризис почти всегда выходит за пределы частной психологии: он осмысливается как столкновение личности с вопросами свободы, совести, вины, веры и ответственности. Именно поэтому внутренний конфликт героя приобретает не только эмоциональную, но и философскую глубину [7; 8].

Русские писатели рассматривают человека не как замкнутое индивидуальное сознание, а как духовное существо, для которого внутренний выбор неразрывно связан с нравственным измерением. Экзистенциальное потрясение становится в этой традиции испытанием личности: оно обнаруживает её слабость, но одновременно открывает возможность самопознания и нравственного прозрения [7].

Достоевский: герой перед бездной свободы

Наиболее напряжённо экзистенциальный кризис личности раскрыт в творчестве Ф. М. Достоевского. В романе «Преступление и наказание» Родион Раскольников пытается рационально оправдать право сильной личности на преступление, однако после убийства сталкивается с духовной катастрофой. Герой ощущает не власть над жизнью, а распад собственного сознания: он отчуждается от людей, теряет внутреннее равновесие и оказывается перед неразрешимым конфликтом между своей теорией и голосом совести [1; 7].

Не менее трагичен образ Ивана Карамазова. Его кризис связан не с преступлением, а с философским бунтом против устройства мира. Отрицая возможность гармонии в мире, где существует страдание невинных, Иван приходит к мучительному раздвоению: разум ведёт его к отрицанию, а нравственное чувство не позволяет примириться с этим отрицанием. В результате кризис проявляется как распад внутреннего единства личности, как неспособность удержать целостное отношение к миру и к самому себе [2; 8].

Для Достоевского особенно важно то, что свобода вне нравственной ответственности не освобождает человека, а разрушает его. Поэтому экзистенциальный кризис у писателя становится не только состоянием боли и одиночества, но и путём к прозрению через страдание [7].

Толстой: момент истины перед лицом смерти

В произведениях Л. Н. Толстого экзистенциальный кризис нередко связан с внезапным осознанием ложности прожитой жизни. Особенно ярко это проявляется в повести «Смерть Ивана Ильича». Внешне благополучный герой, проживший «правильную» жизнь чиновника, перед лицом смертельной болезни начинает

понимать, что его существование было построено на условностях, социальных ролях и самообмане. Смерть заставляет его увидеть пустоту того мира, который ещё недавно казался естественным и несомненным [3].

Толстой показывает, что кризис начинается не в момент физической слабости, а в тот миг, когда человек впервые честно задаёт себе вопрос о подлинности собственной жизни. Иван Ильич переживает страх не только перед смертью, но и перед нравственной неисполненностью, перед мыслью о том, что всё важнейшее могло быть прожито неправильно. Тем самым экзистенциальный кризис у Толстого становится моментом истины: он разрушает внешний порядок, но открывает возможность внутреннего пробуждения [3].

Чехов: медленная трагедия несостоявшейся жизни

У А. П. Чехова экзистенциальный кризис чаще всего лишён внешней катастрофичности. Он проявляется в обыденности, в духовной усталости, в ощущении медленно уходящей жизни. Именно поэтому чеховские герои особенно убедительны: их внутренний разлад не всегда выражен открыто, но постепенно становится главным содержанием их существования. В рассказе «Человек в футляре» Беликов воплощает тип личности, которая пытается спрятаться от свободы, живого чувства и самой жизни. Его стремление к запретам, предосторожностям и замкнутости оказывается своеобразной формой защиты от бытия, но эта защита приводит не к покою, а к духовной мёртвости [4; 9].

В пьесе «Три сестры» кризис личности раскрывается иначе — как ощущение несостоявшейся жизни. Героини мечтают о Москве, о труде, о другой судьбе, но их мечта всё время откладывается и постепенно превращается в знак внутренней неосуществлённости. Чехов показывает трагедию людей, которые не утратили способности чувствовать, но потеряли способность изменить собственную жизнь. Именно в этом состоит особая чеховская версия экзистенциального кризиса — тихая, повседневная, но оттого ещё более пронзительная [5; 9].

Булгаков: личность под давлением эпохи

В литературе XX века экзистенциальный кризис получает новое содержание, поскольку внутренний разлад человека всё чаще оказывается связан с историческим насилием, цензурой, страхом и разрушением духовной автономии. В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» образ Мастера воплощает личность, которая переживает кризис не только как частную драму, но и как результат столкновения с враждебной культурной средой. Утрата рукописи, отказ от собственной книги и добровольное бегство из мира свидетельствуют о глубоком надломе личности, измученной бессилием и невозможностью быть услышанной [6; 10].

Однако Булгаков не сводит кризис к поражению. Напротив, именно в предельной ситуации раскрывается ценность внутренней свободы, любви и верности собственному слову. Поэтому экзистенциальный кризис в романе приобретает двойственный характер: он одновременно разрушает человека и обнаруживает то внутреннее ядро личности, которое не может быть окончательно уничтожено [6].

Особенности изображения экзистенциального кризиса в русской литературе

Анализ произведений Достоевского, Толстого, Чехова и Булгакова позволяет выделить несколько устойчивых особенностей изображения экзистенциального кризиса в русской литературе. Во-первых, этот кризис почти всегда имеет нравственную природу: речь идет не только о душевной тревоге, но и о вопросах вины, ответственности, свободы и духовного выбора [7; 8].

Во-вторых, русская литература связывает внутренний разлад личности с мотивом отчуждения. Герой оказывается одиноким не только среди людей, но и перед самим собой; он утрачивает ясность внутренней опоры, а потому переживает мир как чужой и неустойчивый [4; 5; 9].

В-третьих, даже в самых трагических произведениях кризис не изображается как окончательный тупик. Русская литературная традиция сохраняет представление о возможности внутреннего прозрения, о том, что страдание может стать моментом нравственного пробуждения и духовного обновления личности [3; 6; 10].

Заключение

Таким образом, экзистенциальный кризис личности является одной из ключевых тем русской литературы XIX–XX веков. В произведениях Достоевского, Толстого, Чехова и Булгакова внутренний разлад человека раскрывается как сложное духовное состояние, возникающее в моменты столкновения с виной, свободой, смертью, бессмысленностью и отчуждением.

Особенность русской литературной традиции состоит в том, что она рассматривает кризис не как частный психологический эпизод, а как испытание человеческой сущности. Личность в этой традиции раскрывается через предельные вопросы бытия, а потому художественный текст становится пространством глубокого нравственного и философского размышления.

Именно этим объясняется непреходящая притягательность русской литературы: она показывает, что внутренний кризис может быть не только знаком разрушения, но и началом трудного, болезненного, но подлинного движения человека к самому себе.

Список литературы:

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 6 : Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. — 423 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 14 : Братья Карамазовы. Кн. 1–10 / Ф. М. Достоевский. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — 511 с.
3. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича : повести и рассказы / Л. Н. Толстой ; вступ. ст. и коммент. Э. Бабаева. — Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд-ние, 1983. — 304 с.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 10 / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1986. — 499 с.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 13 / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1986. — 530 с.
6. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита : роман / М. А. Булгаков ; сост., предисл., коммент. Э. Л. Безносова. — М. : АСТ : Олимп, 2001. — 585, [1] с.
7. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х–1970-х гг. / М. М. Бахтин. — М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. — 799 с.

8. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. — М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2000. — 214 с.
9. Громов М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. — М. : Современник, 1989. — 384 с.
10. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. — 2-е изд., доп. — М. : Книга, 1988. — 672 с.

